

# ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

## ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 10.

СУББОТА, МАРТА 8 ДНЯ,

1858 ГОДА.

(Статья 4 я о воспитаніи) (\*).

МЫСЛИ КЕЛЛНЕРА,

КАСАЮЩІЯСЯ ОБУЧЕНІЯ (\*\*).

Предполагая изложить дидактическія убѣжденія Келлнера, мы почитаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о его направленіи вообще. Келлнеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ педагоговъ, которые ставятъ главною цѣлью воспитанія развитіе религіознаго

(\*) См. Неоф. ч. № № 44 и 50 Хар. Губ. Вѣд. за 1857 г., и № 6 за 1858 г.

(\*\*) Взято изъ сочиненія Келлнера «die Pädagogik der Volksschule in Aphorismen.» Essen, 1854.

чувства и требуютъ, чтобъ, при преподаваніи всякаго предмета, учитель былъ проникнутъ вполне религіознымъ чувствомъ. Другая его главная идея есть безусловное повиновение учителю, который долженъ служить идеаломъ для учениковъ. Изъ этого конечно вытекаетъ то, что онъ ставитъ учителя необыкновенно высоко и требуетъ отъ него почти идеальныхъ совершенствъ въ характерѣ и нравственности. По его мнѣнію, искусство преподавать есть природный даръ, котораго пріобрѣсти нельзя, и потому онъ говоритъ, что учителя не дѣлаются, а рождаются. Отсюда Келлнеръ старается объяснить недостатокъ истинно-достойныхъ учителей. Таково въ общихъ чертахъ направленіе его педагогіи. Чтожъ касается до подробнаго развитія этого направленія, до частныхъ наставленій о преподаваніи вообще и cadaго пред-

мета въ особенности, то мы постараемся ознакомить съ ними нашихъ читателей.

### О ПРЕПОДАВАНІИ ВООБЩЕ.

Метода преподаванія, по мнѣнію Келлнера, состоитъ въ томъ, чтобы перелавать дѣтямъ каждый предметъ сообразно съ ходомъ развитія дѣтскаго ума, съ его положъ и возрастомъ, и время того сообразно съ природою и сущностію самаго предмета; послѣднее необходимо требуетъ отъ учителя многосторонняго и глубокаго знанія предметовъ обученія. Изъ двухъ методовъ обученія, объективной и субъективной, первая, по выраженію Келлнера, есть ни что иное какъ покупной товаръ. Главное ея положеніе есть то, что по хорошо составленному руководству даже недостаточно приготовленный наставникъ можетъ съ успѣхомъ заниматься преподаваніемъ всякаго предмета.

Субъективная же метода требуетъ, чтобы учитель самостоятельно усвоилъ себѣ предметъ и притомъ въ такой степени, чтобы онъ вполне былъ проникнутъ предметомъ. Эта полнота усвоенія будетъ проглядывать во всѣхъ его приемахъ и выражаться рѣшительностью тона, составленіемъ примѣровъ, выговоромъ и вообще всѣмъ тѣмъ, что производитъ впечатлѣніе на учениковъ. «Этимъ обращеніемъ предмета въ собственность учителя, говоритъ Келлнеръ, и обезпечиваются настоящіе успѣхи воспитанія, ибо оно сообщаетъ ученику интересъ къ предмету и тѣмъ привлекаетъ къ изученію этого предмета. Въ этомъ усвоеніи и передачѣ предмета и заключается искусство преподаванія или свободная творческая переработка учебнаго матеріала съ цѣлью преподаванія».

При сравненіи упомянутыхъ двухъ методовъ преимущество остается за субъективною, потому что при однихъ и тѣхъ же руководствахъ у дурнаго учителя никогда не будетъ того успѣха, какой замѣчается у особенно хорошихъ учителей. Но для того, чтобы эти

успѣхи были дѣйствительны, по словамъ Келлнера, необходимо соединеніе обѣихъ методовъ, потому что въ этомъ то соединеніи и заключается истинная дѣятельность учителя.

«Тяжело, говоритъ Келлнеръ, сознаться, что мы не можемъ усвоить себѣ субъективной методы и пріобрѣсти то, въ чемъ отказала намъ природа, и я долженъ повторить, что тотъ, кто не родился учителемъ, никогда не можетъ достигнуть совершенства на своемъ поприщѣ, такъ точно, какъ всякій не можетъ быть Рафаэлемъ или Шиллеромъ; однако это не должно насъ лишать мужества, потому что, хотя совершенный успѣхъ не возможенъ, все таки, при помощи усердія, мы можемъ многое сдѣлать, можемъ приблизительно достигнуть до идеала учителя, до того духа, той таинственной особенности, которая составляетъ сущность субъективной методы».

При изученіи предметовъ обыкновенно слѣдуютъ эвристической или акроматической методы. Первая состоитъ въ томъ, что, на основаніи данныхъ, ученика самаго заставляютъ отыскивать истины, о которыхъ идетъ дѣло; напримѣръ, въ географіи, на основаніи данныхъ, какъ-то: горы, рѣки, положенія страны, ученикъ долженъ самъ сдѣлать заключеніе о климатѣ, произведеніяхъ страны и т. д. Эта метода въ отношеніи къ религіозному преподаванію называется катехетическою, а во всѣмъ прочимъ предметамъ сократическою. Акроматическая метода состоитъ въ связномъ, соотвѣтственномъ законамъ мысленія, развитіи истинъ, служащихъ предметомъ преподаванія.

Въ отношеніи катехетической методы нужно еще замѣтить, что многіе называютъ катехетическимъ всякое вѣроученіе, состоящее изъ вопросовъ и отвѣтовъ; но когда учитель посредствомъ вопросовъ не имѣетъ цѣли навести ученика на истину и заставить его самого искать ее, а желаетъ только узнать, что ученикъ знаетъ, то это скорѣй можно назвать экзаменомъ.

Келлнеръ, со вниманіемъ останавливаясь на

катехизація, говоритъ, что «ученикъ можетъ тогда только найти истину посредствомъ катехизаціи, когда онъ владѣетъ достаточнымъ для того количествомъ данныхъ, потому что всякое самостоятельное открытіе (если оно не дѣло слѣпаго случая) есть заключеніе изъ существующихъ данныхъ и производится на основаніи ихъ; а гдѣ нѣтъ такихъ данныхъ, тамъ всякое заключеніе или совершенно невозможно или будетъ только счастливою догадкой. Вотъ почему многіе изъ учителей при катехизаціи предлагаютъ такіе вопросы, въ которыхъ уже заключается отвѣтъ, и, чувствуя недостаточность такого приѣма, прибѣгаютъ часто къ совершенно непріличнымъ примѣрамъ. Послѣ всего этого понятно, отъ чего лучшие педагоги, и въ числѣ ихъ самъ Песталоцці, такъ возстаютъ противъ общаго примѣненія катехетической методы.»

Послѣ обсужденія различныхъ методовъ обученія, Келлнеръ переходитъ къ вспомогательнымъ средствамъ, необходимымъ для успѣшнаго преподаванія. Одно изъ главныхъ препятствій успѣхамъ обученія заключается въ забывчивости дѣтей, между тѣмъ какъ дѣти скорымъ изученіемъ языковъ доказываютъ, что они обладаютъ необыкновенною памятью. Причины этой забывчивости должно искать или въ слабости впечатлѣнія, или въ разсѣянности. Противъ той и другой можно указать на два средства: на повтореніе и возбужденіе интереса къ самому предмету. Чѣмъ лучше учитель умѣетъ вдохнуть въ своихъ воспитанниковъ любовь къ предметамъ обученія, тѣмъ менѣе онъ будетъ жаловаться на ихъ забывчивость. Для любимаго предмета всякій имѣетъ хорошую память, потому что для памяти необходимо вниманіе, а вниманіе тамъ, гдѣ интересъ. Еслижъ интересъ не можетъ заключаться въ самомъ предметѣ и его изложеніи, то онъ долженъ истекать по крайней мѣрѣ изъ любви къ личности учителя, или изъ самолюбія. Кромѣ того, чтобы ученое не забывалось, на другой день необходимы самостоятельныя занятія дѣтей, и

притомъ такія, которыя бы не допускали разсѣянности. Что дѣти могутъ заниматься и охотно занимаются, Келлнеръ доказываетъ тѣмъ, что когда учитель даетъ дѣтямъ новую задачу, говоря при этомъ серьезнымъ тономъ, что она очень трудна и требуетъ большаго вниманія, то дѣти обыкновенно гордятся назначенною имъ работою и охотно принимаютъ за дѣло. Изъ этого факта понятно, отъ чего школьныя занятія, состоящія изъ механическаго списыванія, возбуждаютъ только скуку и разсѣянность. Въмѣстожъ этого Келлнеръ предлагаетъ арифметическія задачи и рисованіе.

Что касается до другаго важнаго отдѣла обученія—часовъ для чтенія, то Келлнеръ говоритъ, что обыкновенно учителя не понимаютъ ихъ назначенія, требуя отъ дѣтей только механически вѣрнаго чтенія, которому они могутъ научиться въ очень скорое время, такъ, что дальнѣйшее упражненіе въ немъ есть чистая потеря времени, если учитель при этомъ не заставляетъ читать съ разумнѣмъ смысла и замѣчать содержаніе прочитаннаго. Лучшимъ средствомъ для этого, по мнѣнію Келлнера, можетъ служить записываніе и рассказываніе прочитаннаго, къ чему конечно должны быть присоединены объясненія словъ и предметовъ, даже грамматика и орфографія. Тогда только часы для чтенія сдѣлаются настоящею умственною гимнастикою.

Весьма важнымъ также условіемъ успѣшнаго преподаванія Келлнеръ почитаетъ усердное и добросовѣстное приготовленіе самихъ учителей къ урокамъ, что дѣлается очень рѣдко по причинѣ лѣности, или самонадѣянности учителей. По мнѣнію автора приведеннаго выше сочиненія, «приготовленіе должно обращаться и на дидактическій матеріалъ, и на способъ его передачи, или на методу. Учитель предъ урокомъ долженъ облумать, понимаетъ ли онъ ясно то, что будетъ передавать дѣтямъ, и вообще стараться соглашать свою учебную дѣятельность съ общою

цѣлью школы, т. е. умственнымъ образованіемъ дѣтей для жизни. Никто не можетъ сообщить другимъ того, чѣмъ самъ не вла дѣетъ, а между тѣмъ многие учителя полагаются на руководства, забывая, что какъ бы ни былъ хорошъ костыль, онъ одинъ не можетъ доставить ровной свободной ходьбы. Если приготовленіе такъ важно въ отношеніи къ матеріалу, то оно еще важнѣе въ отношеніи къ методу, потому что учитель долженъ при этомъ дать себѣ строгій отчетъ въ слѣдующихъ вопросахъ:

1) Въ какомъ отношеніи находится то, что мы хотимъ передать сегодня, къ тому, что предшествовало, и къ тому, что послѣдуетъ; дополняетъ ли одно другое; основывается ли одно на другомъ, и понятно ли для дѣтей это отношеніе настоящаго обученія къ прошлому и будущему?

2) Какими словами, оборотами, примѣрами и другими средствами могутъ быть сдѣланы ясными и понятными даже для слабѣйшихъ дѣтей передаваемые мысли.

3) Что должно дѣлать для укрѣпленія выученнаго, и какое отношеніе имѣетъ это выученное къ дѣйствительной жизни?

Изъ этихъ вопросовъ, важность которыхъ понятна, видно, какъ вредна самонедѣлательность учителей, неприготовляющихся къ своей школьной работѣ, состоящей, по ихъ мнѣнію, въ починкѣ перьевъ, разливаніи чернилъ и линіянн тетрадей.

Что касается до предметовъ преподаванія въ народныхъ школахъ, то ихъ назначеніе состоитъ въ томъ, что бы они служили высшему развитію ума и сердца. Такое образовательное значеніе для народныхъ школъ Келлнеръ находитъ только въ слѣдующихъ трехъ предметахъ: 1) законъ Божій, съ которымъ находятся въ связи пѣніе и исторія; 2) въ языкъ, въ связи съ орфографіею, естественною исторіею и географіею, и 3) въ ариметикѣ.

## ПРЕПОДАВАНІЕ КАЖДАГО ПРЕДМЕТА ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

*Преподаваніе Закона Божія.* Келлнеръ считаетъ этотъ предметъ главнымъ, цѣлью всего образованія, хотя касательно преподаванія его онъ возстаетъ противъ мнѣній педагоговъ, требующихъ наибольшаго числа часовъ для вѣроученія. «Безпрестанное нравоученіе, говорятъ онъ, приводитъ чувства въ напряженіе, за которымъ всегда слѣдуетъ ослабленіе и равнодушіе.» Не предвидитъ Келлнеръ успѣха въ вѣроученіи и въ томъ случаѣ, «если учитель не одушевленъ, не проникнутъ своимъ предметомъ и не смотритъ на свои занятія, какъ на божественную службу, потому что безъ этого не можетъ быть истиннаго благоговѣнія, дѣйствующаго на душу ребенка. При преподаваніи библейской исторіи учитель не долженъ увлекаться удобствомъ разсказывать своими словами священную исторію, а долженъ какъ можно болѣе придерживаться библейскаго образа выраженія. Также совершенно излишни при этомъ искусственныя нравоученія, которыя только ослабляютъ впечатлѣніе, произвольное простымъ фактомъ. Весьма прискорбно также, что новѣйшая педагогія въ своемъ стремленіи къ развитію разума не обращаетъ достаточнаго вниманія на ту творческую силу, которая придаетъ особенную характеристическую прелесть дѣтскому возрасту — на воображеніе. Даже часто стараются истребить его, какъ вредное зелье, которое можетъ только породить суевѣріе и фанатизмъ».

*Обученіе пѣнію.* Въ тѣсной связи съ религіознымъ образованіемъ находится обученіе пѣнію, на которое, къ сожалѣнію, не обращаютъ достаточнаго вниманія. Еще не рѣшенъ педагогами вопросъ, должно ли обучать пѣнію посредствомъ слуха или посредствомъ нѣкоторыхъ знаковъ для глазъ. Келлнеръ въ послѣднемъ случаѣ отдаетъ преимущество нотамъ предъ цифрами, потому что первыя имѣютъ applicaцію въ жизни, между тѣмъ

как цифры существуют только въ школахъ. Онъ удивляется, что «до сихъ поръ никто не обратилъ вниманіе на отношеніе пѣнія въ другимъ предметамъ преподаванія. Если имѣютъ какое нибудь значеніе слова Нова-лиса, что одно должно способствовать другому, и одно должно развивать другое, то это именно въ отношеніи къ пѣнію. Впрочемъ это обученіе тогда только можетъ принести пользу, когда не сопровождается принужде-ніемъ, когда не происходитъ по командѣ въ опредѣленные часы, послѣ которыхъ дѣти забываютъ то, что они пѣли. Гораздо было бы лучше, еслибы учитель училъ дѣтей въ пѣсняхъ изливать полноту ихъ религіозныхъ чувствъ, тогда дѣти понимали бы пѣль и поль-зу пѣнія». Кроме того, обученіе пѣнію важ-но для изученія отечественнаго языка, пото-му что предполагать чистое произношеніе въ разговорѣ, соединенное съ пониманіемъ словъ текста и правильностью употребленія знаковъ препинанія. Наконецъ образованіе слуха есть главный результатъ обученія пѣ-нію, причемъ дѣти должны дойти до того, чтобы скоро и легко повторять пѣсни про-пѣтыя или услышанныя ими случайно. Въ заключеніи Келлеръ выражаетъ то мнѣніе, что ноты, будучи только знаками, выражаю-щими различные звуки, должны быть вводи-мы въ ученіе только тогда, когда дѣти уже понимаютъ различіе звуковъ, т. е. когда му-зыкальный слухъ уже совершенно образо-вался.

*Обученіе исторіи.* Обученіе исторіи въ соб-ственномъ смыслѣ не принадлежитъ народ-нымъ школамъ. По мнѣнію Келлера, имъ принадлежитъ только библейская исторія, по-тому что она служитъ основаніемъ всякой исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ опорою религіоз-наго ученія; продолженіемъ же ея можетъ служить исторія распространенія христіан-ства на землѣ. При этомъ онъ совѣтуетъ излагать исторію въ біографической формѣ, т. е. представлять жизнеописаніе отдѣльныхъ лицъ, ускорившихъ или задерживавшихъ рас-

пространеніе христіанства. Такимъ образомъ возникнетъ въ дѣтяхъ убѣжденіе, что исто-рія есть ничто иное, какъ исторія воспита-нія Богомъ грѣшнаго человечества. При этомъ къ исторіи христіанства учитель долженъ присоединять важнѣйшіе черты отечествен-ной исторіи. Никакой не можетъ быть поль-зы отъ обученія исторіи, говоритъ Келлеръ, если дѣти будутъ обременены множествомъ именъ и чиселъ безъ всякой связи между ни-ми; это не можетъ возпламенить любви къ отечеству, а потому стихи и пѣсни, въ ко-торыхъ изображаются отечественныя проис-шествія, скорѣе могутъ возбудить въ юно-шескихъ умахъ патріотическія чувства, чѣмъ нравоученія и подробное изложеніе истори-ческихъ событій.

*Преподаваніе языка.* Что касается до пре-подаванія языка, то Келлеръ говоритъ, что если учитель хочетъ достигнуть успѣха въ этомъ отношеніи, то онъ самъ долженъ пре-жде всего усвоить его себѣ вполнѣ. Это усвое-ніе состоитъ не въ одномъ умѣнн бѣгло го-ворить, но и въ пониманіи духа языка, си-лы его звуковъ; только тогда изложеніе учи-теля будетъ отличаться мѣткостью выраже-нія, краткостью и ясностью. Но всего этого нельзя выучить изъ грамматикъ, а можно толь-ко узнать посредствомъ живой практики, для чего учителя должны обратиться къ сочи-неніямъ лучшихъ и благороднѣйшихъ умовъ; здѣсь они могутъ почерпнуть ту юническую свѣжесть, которая такъ необходима въ ихъ занятіяхъ. Изъ такихъ сочиненій можно луч-ше изучить отечественный языкъ, чѣмъ изъ всѣхъ возможныхъ руководствъ и грамматикъ. Сочиненія лучшихъ писателей должны быть постоянно въ рукахъ учителей и учениковъ, потому что посредствомъ чтенія ихъ приобрета-ются и умственное развитіе и знаніе языка. Изъ всего этого видно, что препода-ваніе языка нужно начинать живымъ и свѣ-жимъ разговоромъ, а не сухими грамматиче-скими правилами; не языкъ же произойдетъ изъ грамматикъ, а грамматика изъ языка. А

потому дѣло шло бы гораздо успѣшнѣе, еслибъ учителя, вмѣсто безполезной траты времени на безполезныя разсужденія о субъектахъ, объектахъ и собственныхъ именахъ, упражняли дѣтей въ чтеніи и разговорѣ. Безъ практики преподаваніе языка не принесетъ никакой пользы. Кромѣ того многое изъ грамматикъ можно бы было объяснить ясно безъ ученыхъ терминовъ, похожихъ на языческія заклинанія. Вообще преподаваніе языка должно ограничиваться объясненіемъ поговорокъ, дѣтскихъ пѣсень, простыхъ разсказовъ, повтореніемъ этихъ разсказовъ и, смотря по возрасту, развитіемъ нѣкоторыхъ простыхъ правилъ.

*Правописаніе.* Правописаніе есть необходимая часть изученія языка. Оно можетъ достигаться посредствомъ зрѣнія и слуха. Способъ учиться правописанію посредствомъ зрѣнія состоитъ въ томъ, что учитель заставляетъ учениковъ тщательно списывать съ книги и потомъ самимъ повѣрять написанное. Второй же способъ посредствомъ слуха основывается на старинномъ правилѣ: «пиши, какъ говоришь». Послѣдній способъ дѣлается совершенно неудовлетворительнымъ въ отношеніи къ тѣмъ словамъ, которыхъ произношеніе не соотвѣтствуетъ письменному изображенію ихъ; здѣсь правила не помогутъ, и остается только прибѣгнуть къ помощи зрѣнія. Тѣмъ же слова, которыхъ произношеніе соотвѣтствуетъ ихъ письменному изображенію, учитель долженъ стараться произносить чисто и правильно.

*Обученіе счисленію.* Многіе высшіе приемы счисленія, употребляемые въ школахъ и впослѣдствіи непримѣняемые въ жизни, должны быть непременно оставлены, и все обученіе должно ограничиваться, по мнѣнію Келлнера, тѣмъ, что необходимо для домашней жизни и хозяйства. Кромѣ того, это занятіе должно развивать разсудокъ свободно, безъ препятствія со стороны школьныхъ формъ. На этомъ основаніи Келлнеръ предпочитаетъ счетъ въ

умѣ, который наиболѣе способствуетъ развитію разсудка и соображенія.

*Преподаваніе географіи.* Обыкновенно въ народныхъ школахъ начинаютъ преподаваніе географіи съ труднѣйшей ея части, и именно съ математической географіи, послѣ чего продолжаютъ забивать память учениковъ всевозможными географическими именами, не давая истиннаго понятія ни объ одномъ изъ нихъ. При этомъ упускаютъ изъ вида главную цѣль географическаго преподаванія, состоящую, по мнѣнію Грубе, въ томъ, чтобы ученикъ имѣлъ вѣрный взглядъ на разнообразіе земной поверхности и человеческой жизни. Келлнеръ говоритъ, что всякая географія должна начинаться съ описанія родины, причемъ должны быть высказаны рельефно и наглядно главнѣйшія географическія понятія; и только тогда, когда ученикъ пойметъ отношеніе между землею и людьми, преподаваніе можетъ перейти границы провинціи и обратиться къ отечеству. При изложеніи географическихъ данныхъ, относящихся къ отечеству, должно въ особенности обратить вниманіе учениковъ на необходимость правительственныхъ учреждений, на пользу, которую приносятъ человеку государственное и церковное единство, и на необходимость для поддержанія этого единства, — повиновеніе и самоотверженіе. Также нужно обратить серьезное вниманіе на то, чтобы сдѣлать для учениковъ понятною ландкарту, которая для нихъ безъ объясненія всегда будетъ чѣмъ-то отвлеченнымъ. Наконецъ Келлнеръ совѣтуетъ преподавать географію, какъ и исторію, въ отдѣльныхъ характеристикахъ.

*Преподаваніе естественной исторіи.* Прежде преподаваніе естественной исторіи въ народныхъ школахъ ограничивалось описаніемъ жу-жеземныхъ звѣрей и растений, вѣрныхъ собачекъ, умныхъ словъ и т. п. Теперь же, по словамъ Келлнера, учителя впали въ другую крайность, занимаются операціями, классифицированіемъ, анотомированіемъ, какъ будто всѣхъ дѣтей хотятъ сдѣлать естество-

испытателями, и чрезъ это только выдавливаютъ жизнь изъ природы. Наконецъ нѣкоторые, въ обратномъ увлеченіи, исключаютъ изъ руководства всѣ иноземныя растенія, что совершенно неосновательно, потому что нѣкоторые тропическія растенія, какъ, напр., чай, кофе, сахарный тростникъ болѣе намъ близки, чѣмъ многія отечественныя растенія. Келлеръ обращаетъ большое вниманіе на вопросъ, должно ли побуждать дѣтей къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ и растеній, и рѣшаетъ его такъ: «изъ опыта видно, говорить онъ, что побольшей части это собираніе есть только играшка, которая вскорѣ уступаетъ мѣсто другимъ игрушкамъ; да и можно ли допускать, чтобы мальчикъ убивалъ насѣкомыхъ для анатомическихъ изысканій, которыя совершенно излишни для ученика. Кромѣ безполезности своей, эти операции производятъ еще то, что дѣтское сердце рано дѣлается холоднымъ къ страданіямъ живаго существа. И когда хвалятъ мальчика за то, что онъ накалываетъ жуковъ и бабочекъ, то какъ могутъ порицать за то, что онъ убиваетъ птицъ и беретъ яйца. Пусть лучше они собираютъ растенія и камни, когда это такъ нужно».

Келлеръ говоритъ, что въ народныхъ школахъ очень мало посвящается времени для изученія естественной исторіи, и совѣтуетъ исправить этотъ недостатокъ посредствомъ чтенія книгъ, но не сухихъ руководствъ, а живыхъ, увлекательныхъ сочиненій по естественной исторіи.

*Студентъ К. Хлоповъ.*

Что за грусть слеза  
Влетѣла на душу мнѣ?  
Меня губитъ тоска  
На чужой сторонѣ.

Не живить красота  
Меня здѣшнихъ полей,

Я вѣкъ спрота  
Средь угрюмыхъ людей!

Кто съ участью живымъ  
Раздѣлитъ мой досугъ,  
Кто привѣтомъ роднымъ  
Исцѣлитъ мой недугъ?...

Ужъ прошли для меня  
Мои красныя дни;  
Мнѣ не сбить зоря,  
Какъ было средь родни.

Мнѣ отчизны родной  
Не вилать на вѣку,  
И въ могилѣ сырой  
Схороню я тоску!...

*Д. Г. .... а.*

Харьковъ.  
4 Марта 1858 г.

## TABLEAUX DU MONDE

**Г. БОРМАНА.**

Смѣхъ отъ горя и горе отъ смѣха.

Вы шумите и хмуряетесь, дорогой читатель... тревогу въ вашей душѣ, усталой отъ пустоты прожитаго дня, поднялъ вольнодумецъ Васька, слуга вашъ, зазорнымъ и частымъ употребленіемъ любимаго имъ выраженія—*праззидитъ къ дѣлу* (производить къ дѣлу). Насталъ постель, спрашиваетъ баринъ?—Празвѣлъ къ дѣлу, отвѣчаетъ камерлинеръ; пообѣдалъ?—опять празвѣлъ къ дѣлу; сходилъ въ аптеку?—тотъ же убійственный отвѣтъ! Хоть голову сними пострѣлу, не перестанетъ то-и-дѣло пускать въ ходъ самолѣлковую фразу, будто въ горькую и злую насмѣшку надъ *sempre idem* нашей одноладной и глухо-несущейся жизни.

Прочь со сены Ваську. Позвольте мнѣ,